

мир, раскрытый христианством, остался чужд Макиавелли. На эти внутренние требования отдельного человека, то, что мы называем субъективными требованиями, смотрел он с сожалением, презрением. С этой точки зрения он обвинял христианство в ослаблении общественной нравственности и доблестей, смешивая, таким образом, христианство с римскою иерархией, повредившей, конечно, во многом Италии. Он не знал другого христианства, кроме католицизма, и к этому-то христианству католическому относятся его воззрения. Но, с другой стороны, у него было темное сознание, что христианство может быть побуждением к великому, и он говорит тогда: «Только народы глубоко религиозные способны к совершению великих исторических подвигов». Конечно, за этим тотчас следует его определение религии — он допускает религию только политическую как побуждение гражданское к совершению гражданских подвигов. Идеалом религии была для него религия римская. Нигде, может быть, так не видно, как в этой книге, до какой степени он стоял на античной почве. Для него история то же, что для Цицерона — *magistra vitae* *, он предлагает здесь уроки и примеры для нравственности, он верует в силу этих примеров. Но многие, смело можно сказать, легкомысленные ученые смеялись над Макиавелли, обнаруживая его недостаточные знания древней истории. Точно, он не был антикварием; в ссылках его на древних писателей мы находим не один промах, но он глубоко изучил древних, он оттуда вынес свои воззрения. Здесь дело не идет о фактах, дело идет о рассуждениях, которые вставляет он между фактами. Цель, с какою написаны беседы о Тите Ливии, также чисто практическая: «он хочет показать своим гражданам Римскую республику как идеал гражданства»; он не умышленно, может быть, скрывает темные стороны республиканской римской свободы, рабство, угнетение низшего ^a класса ^a. Он ослеплен был могуществом Рима, славою его, величием тогдашней Италии. С такой же целью написаны его 7 книг о военном искусстве.

Мы говорили уже об упадке военного духа в Италии. Граждане, занятые другими интересами, предоставляли войну наемникам, кондотьерам. Этими наемными дружинами поддерживали свою власть мелкие князья Италии, присваивали себе правдою и неправдою власть, вели войны кровавые в итальянских державах. Начальники кондотьеров уславливались наперед в успехе битвы; та кондота, которая получила более денег, та и одерживала победу. В конце 15 ст. открылись все следствия такого порядка вещей. Италия, стоявшая тогда на высоте просвещения, где было много таких политических благородных идей, не могла представить даже слабого сопротивления врагам внешним. Французы прошли ее вдоль, для испанцев и швейцарцев Италия была равно открыта. Она не могла выставить

* Учительница жизни (лат.).

^{a-a} В II: всех сословий одним господствующим (л. 41).